ДВѢ СУДЬБЫ,

БЫЛЬ.

АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

Санктпетербургъ.

1845.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ДВѢ СУДЬБЫ,

Быль.

АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

Санктпетербургъ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Декабря 30-го дня 1844.

Ценсоръ А. Никитенко.

Въ типографіи Эдуарда Праца.

ДВѢ СУДЬБЫ,

БЫЛЬ.

„Кто болѣе достоинъ сожалѣнія? Чья судьба ужаснѣе?..
Увы! я не смѣю произнести приговора..."

Хоръ изъ Софокловой трагедіи:
„Трахинійки."

Глава первая.

I.

На креслахъ, предъ растворенным окномъ,
Одинъ сидѣлъ больной Карлино. Сладко
Дыша въ тѣни прохладнымъ вѣтеркомъ,
Онъ отдыхалъ, избитый лихорадкой.
Онъ снова жизнь улыбкою встрѣчалъ,
Въ ней помня радости, забывши муки,

*

И весело, какъ-будто по разлукѣ,
Знакомые предметы узнавалъ:

II.

Въ углу кумиръ языческаго бога —
Отрытый имъ въ саду, безъ рукъ, безъ ногъ...
«Богъ дастъ, онъ думалъ, сыщется знатокъ,
Дастъ пятьдесятъ піастровъ: мнѣ подмога...»
На золотѣ Мадонна со Христомъ,
Сіэнскихъ старыхъ мастеровъ работа,
Рядъ древнихъ копій съ Липпи иль съ Джіотта,
Оставленныхъ ему еще отцомъ;

III.

На полкѣ книги: да, о человѣкѣ
Вы можете навѣрно заключать
По избранной его библіотекѣ,
Въ его душѣ, въ понятіяхъ читать:
Лежали тамъ комедіи Гольдони,
Исторія Мадонны и Святыхъ,
Либретто оперы, стихи Тассони,
Да календарь процессій храмовыхъ...

IV.

Какъ старый другъ, онъ встрѣтилъ ихъ улыбкой;
Потомъ на даль онъ перевелъ свой взоръ...
А что за виды съ Фраскатанскихъ горъ!
Тамъ дерева лозой обвиты гибкой;
Тамъ въ миртовыхъ аллеяхъ пышныхъ виллъ
Статуи, бюсты, мраморныя группы;
Тамъ римскихъ пинъ зонтообразны купы
И кипарисъ, печальный другъ могилъ...

V.

Какъ радъ онъ былъ, что снова видитъ дивный
Въ туманѣ очеркъ купола Петра,
И въ Римъ дорогу лентою извивной
Между руинъ... а ужъ была пора,
Какъ солнце гасло, ночь шла отъ востока,
И слышно на долинѣ лишь дроздовъ,
Да караванъ навьюченныхъ муловъ,
Гремушками звенящій издалека.

VI.

Не долго нашъ больной покоилъ взоръ
На дали и долиной любовался;

Заботливо порой онъ обращался
Въ сосѣднiй виноградникъ чрезъ заборъ;
Онъ видитъ тамъ, межъ листьями мелькая,
Въ корсетѣ аломъ, бѣлою рукой
Пригнувъ лозу, смуглянка молодая
Срываетъ съ вѣтки гроздiй золотой.

VII.

Пурпурный лучъ мерцающей денницы
Ея античный профиль озлащалъ,
И смоль косы, и черныя рѣсницы,
И покрывало пышно обагрялъ.
— «Нинета!» — ей кричитъ онъ чрезъ ограду,
И тотчасъ, легче серны молодой,
Съ корзинкою златаго винограду
Влетѣла дѣвушка въ его покой.

VIII.

«Проснулся ты? Тебѣ, Карлино милый,
Сегодня лучше?... Знать не даромъ я
Поутру въ монастырь святой ходила
Къ обѣднѣ и молилась за тебя.
Я отнесла Мадоннѣ ожерелье.»

И цѣловала дѣва-красота,
Рѣзвясь, едва не плача отъ веселья,
Устами алыми его уста.

IX.

«Нинета! ты все прежняя рѣзвушка!
Будь и всегда такая; и въ тѣ дни,
Какъ будемъ мы, Господь тебя храни!
Я — дряхлъ и хилъ, ты — добрая старушка.
Какъ мнѣ легко! какъ веселъ я душой!
Я будто вновь родился, и родился
Къ блаженству.... Этотъ вечеръ, ты со мной....
Какъ будто ангелъ съ неба мнѣ явился....

X.

«Ахъ скоро-ль я женой тебя введу
Въ свой домъ! Пора! нашъ домикъ будетъ раемъ.
Хозяйкою ты станешь.... мы сломаемъ
Докучливый заборъ въ твоемъ саду.
Взгляни: мой виноградъ, въ твой садикъ, къ ло́замъ
Твоимъ черезъ заборъ перебрался́,
Твой олеандръ къ моимъ пригнулся розамъ,
И плющъ мой вкругъ него перевился́.

XI.

Все любится вкругъ насъ! Мы другъ для друга
Назначены судьбой!» – Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастіи, какъ будетъ мать, супруга,
Жалѣла ли дѣвичьихъ вольныхъ дней,
Иль страстныхъ словъ она не понимала;
Но молча имъ, разсѣянно внимала,
Какъ колыбельной пѣсенкѣ своей....

XII.

Такъ слѣдуетъ головкою стыдливой
Цвѣтокъ полей движеньямъ вѣтерка,
Такъ носится струями ручейка
Листокъ заблудшій.... Бурные порывы
И бѣсъ любви ея не трогалъ сна,
Въ ея душѣ ключомъ не билъ, не стукалъ;
Къ любви Карлино искренней она
Еще привыкла въ пору игръ и куколъ.

XIII.

Въ ея душѣ читалъ онъ какъ на днѣ
Прозрачнаго ручья: мечты, желанья,

Вся, вся она была его созданье;
Какъ юнаго орленка въ вышинѣ
Отецъ и мать, слѣдилъ онъ мысли Нины,
Лелѣялъ миръ души и сердца сонъ;
А сердце спало въ ней, какъ средь пеленъ
Младенецъ спитъ: про то не зналъ Карлино.

XIV.

Какъ сердце спало? стало быть она,
Не знавъ любви, Карлино не любила?
Зачѣмъ же въ монастырь она ходила
О немъ молиться? отчего одна
Она въ дому его? и даже, Боже!
Чтожь ничего она не говоритъ,
Какъ онъ ее цѣлуетъ? Что за стыдъ!
Вѣдь ни на что все это не похоже!

XV.

Позвольте, все вамъ вѣрно объясню;
Но разскажите мнѣ, когда угодно,
Зачѣмъ мы часто любимъ такъ свою
Собаку старую, халатъ негодный,
Одну все трубку, няню, старый домъ,
Тетради школьныя?... а если будемъ

Должны ихъ бросить? Бросимъ и уйдемъ!
Къ вещамъ привычка! Точно тожь и къ людямъ.

XVI.

Покуда ихъ та мысль не потрясла,
И сердца ихъ та страсть не взволновала,
Которая въ душѣ у насъ росла,
Бушуетъ въ ней или отбушевала...
Подобныхъ встрѣчъ не много намъ дано,
И съ близкими мы часто какъ съ чужими...
Иныхъ же встрѣтишь.... Кажется давно
Видалъ ихъ, зналъ, страдалъ и думалъ съ ними.

XVII.

Какъ къ воздуху своихъ фраскатскихъ горъ,
Какъ къ небесамъ безоблачнымъ Сабины,
Какъ къ амбрѣ розъ, привыкло сердце Нины
Къ слѣпой любви Карлино съ давнихъ поръ.
Въ ней даже мысли небыло тревожной,
Что и другихъ любить ему возможно...
А ей?... но вотъ ударило кольцо,
Какой-то гость идетъ къ нимъ на крыльцо.

XVIII.

Широкій плащъ свой на плечо закинувъ,
На брови шляпу круглую надвинувъ,
Вошелъ онъ къ нимъ. Овальное лицо,
Высокій лобъ и очи голубыя,
И русый усъ и кудри золотыя,
Все означало въ немъ, что онъ былъ сынъ
Иной земли, небесъ, иной природы,
Не обожженный солнцемъ Аппенинъ,
Не оживленный дикой ихъ свободой.
Умѣніе собою управлять,
Морщины раннія и думъ печать,
Во всѣхъ пріемахъ легкая небрежность
И благородство, говорили въ немъ,
Что онъ рожденъ и росъ въ краю такомъ,
Гдѣ съ юныхъ лѣтъ души порывъ и нѣжность
Подавлены; гдѣ страсть — раба ума,
Жизнь — маскарадъ, природы гласъ — чума!...

XIX.

Онъ русскій былъ, дитя страны туманной,
И жилъ давно уже въ краю чужомъ....
Его хозяйка, сьора Маріанна,
Бывало, говорила такъ о немъ:

«Онъ малый скромный, платитъ аккуратно,
И добръ: моимъ ребятамъ завсегда
Даетъ гостинца; только иногда
Такъ грустенъ, бѣдный! Впрочемъ и понятно:

XX.

«Вѣдь онъ язычникъ.... Можетъ быть, Господь
Погибшаго печалью посѣщаетъ.
Дай Богъ ему спасти свой духъ и плоть!
Легко-ль! не вѣритъ въ Папу онъ! Бываетъ,
Что цѣлый день проводитъ онъ какъ тѣнь
За книгами, или въ долинѣ бродитъ,
Иль блажь такая на него находитъ,
Что на конѣ онъ рыщетъ цѣлый день.»

XXI.

Владиміръ (такъ мы гостя назовемъ),
Былъ пораженъ сей мирною картиной:
Полубольной Карлино, и при немъ
Облокотясь на спинку креселъ Нина;
И мать ея (простите, я забылъ
Вамъ возвѣстить ея приходъ) глядѣла
На юную чету, и какъ яснѣла
Ей будущность!... а по небу свѣтилъ

Небесныхъ лики ночь разоблачала,
И дымка влажная ночныхъ паровъ
Вилась вокругъ руинъ, гробницъ, холмовъ,
Дышали розы.... музыка играла....

XXII.

Владиміръ.

На югъ лишь сходитъ, только въ этотъ рай,
Подобный вечеръ....

Карлино.

— А у васъ, далеко
На сѣверѣ не то?

Владиміръ.

— О нѣтъ, жестоко
И зло природой нашъ обиженъ край.

Карлино.

За то, синьоръ, вы сильны, вы богаты?

Владиміръ.

Да, но ни солнца, ни небесъ иныхъ
Не прикупить за дорогую плату:
И что намъ въ нихъ, въ богатствахъ покупныхъ?
Карлино, вѣрьте, право, я желалъ бы

На вашемъ мѣстѣ быть, клянусь душой.
Я жилъ бы здѣсь спокойно, изучалъ бы
Міръ древности и отдыхалъ порой
Подъ сѣнью моего же винограда;
И умереть была бы мнѣ отрада,
Я зналъ бы что поплакать, помечтать
Пріидетъ на гробъ мой другъ любимый.

Нина.

– Боже!
Карлино былъ мнѣ съ дѣтства братомъ....

Владиміръ.

— Чтоже?

Нина.

И только, больше ничего сказать
Я не хочу.

Владиміръ.

Простите мнѣ, синьора,
Но видъ блаженныхъ южныхъ странъ во мнѣ
Рождаетъ грусть; и о родной странѣ
Во мнѣ болѣетъ мысль, полна укора;
Мнѣ грустно; я хандрю еще сильнѣй,
А тяжко на душѣ, языкъ вольнѣй,
И говоришь о томъ, что такъ тревожитъ.

Но впрочемъ васъ мой сплинъ занять не можетъ,
Вы счастливы, какъ можетъ быть счастливъ
Здѣсь человѣкъ.»

Онъ замолчалъ, сдавивъ
Украдкой грустный вздохъ въ груди. Карлино
Сжалъ руку Нины, тихо обративъ
Къ ней полные восторгомъ свѣтлымъ взоры;
Она молчала, очи устремивъ
На дальнія, темнѣющія горы.

Глава вторая.

I.

Въ дни древности питомцы Эпикура,
Средь мраморовъ, подъ шумъ падущихъ водъ,
Подъ звуки лиръ, въ честь Вакха и Амура,
Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ.
Толпы невольницъ, розами убранныхъ,
Плясали вкругъ скелетовъ увѣнчанныхъ;
Спѣшили жить они пока вино
Въ ихъ кубкахъ было ярко и хмѣльно,
Пока любовь играла пылкой кровью,
И цвѣлъ вѣнокъ, сплетенный имъ любовью.

II.

Они все тѣ жь, Авзоніи сыны!
Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ дѣвъ румяныхъ,
Въ виду руинъ — скелетовъ увѣнчанныхъ
Плющомъ и миртомъ огненной весны.

Межъ тѣмъ какъ смерть и міра отверженье
Вѣщаетъ имъ монаховъ мрачный клиръ,
Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья —
Блеститъ вино, поетъ веселый пиръ
И царствуетъ богиня наслажденья!

III.

Какъ я люблю Фраскати въ праздникъ лѣтній!
Лавръ, кипарисъ высокой головой,
И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
Рисуются такъ ярко на густой
Лазури неба и на дымкѣ дали,
На блѣдномъ перломутрѣ дальнихъ горъ.
Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
Гирляндами увитъ. Въ домахъ алѣютъ
Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
Съ хоругвями по улицамъ идутъ
Процессіи монаховъ; тамъ пестрѣютъ,
Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
Прорвавши сводъ аллеи вѣковой,
Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ
Покровъ, главу смуглянки молодой:
Картина полная очарованьемъ!
Для пришлеца, она какъ пышный сонъ!

Ее любилъ Владиміръ; тихо онъ
Бродилъ; но посреди толпы и шума,
Обычная тѣснилася въ немъ дума.

IV.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей живой
И типъ племенъ въ толпѣ разнонародной.
Какая смѣсь! Сыны страны холодной
Сюда стеклись, гонимые хандрой:
Тамъ нѣмецъ жесткій, будто пня отрубокъ,
Съ сигарою и флегмою своей,
И фраскатанка съ нѣгой алыхъ губокъ
И съ молніей полуденныхъ очей;
Французъ, въ своихъ пріемахъ утонченный,
И селянинъ Кампаніи златой
Съ отвагою и ловкостью врожденной;
И важный бриттъ, предлинный, препрямой,
Всѣхъ сущихъ гидовъ строгій комментаторъ,
И подлѣ - огненный импровизаторъ.

V.

А русскіе?... Тамъ много было ихъ,
Но уклонялся русскій нашъ отъ нихъ.
Какъ сладко намъ среди чужихъ нарѣчій
Вдругъ русское словечко услыхать!

Такъ радъ! готовъ какъ друга ты обнять
Всю Русь святую въ незнакомой встрѣчѣ!
Захочется такъ много разсказать
И распросить... но вотъ ударъ жестокій,
Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
Все тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
Какъ горько тутъ порывъ свой проклянешь!

VI.

Тотъ вывезъ изъ степей все то жь татарство,
Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тщеславіе наслѣдственнаго барства
Или вчерашнихъ титуловъ тщету;
Безъ мнѣнья голова, а рѣчь педанта;
Все русское ругаетъ на-поваль;
Все чуждое превыше всякихъ хвалъ;
Всего коснется — отъ червя до Данта;

VII.

Санъ вѣсъ даетъ рѣчамъ его тупымъ;
Осудитъ онъ какъ-разъ Микель-Анджело,
И приговоръ его непогрѣшимъ
Какъ приговоръ подписаннаго дѣла.
Отчаянный въ рѣчахъ радикалистъ,

Иль демагогъ иль буйный кондотьери,
А между тѣмъ вчера дрожалъ, какъ листъ,
Вельможъ блестящихъ у пріемной двери.

VIII.

Другаго есть покроя молодцы:
Тѣ чужды всѣмъ идеямъ басурманскимъ,
Ихъ храмъ Петра ничто передъ Казанскимъ,
И лучше винограда огурцы;
По нимъ, весь западъ сгнилъ въ мечтахъ безплодныхъ,
И Тьеръ, Гизо, О'Коннель-дураки,
[illegible] что разъ счастливѣе свободныхъ
. . . .
. . . .
Живутъ ихъ крѣпостные мужики

IX.

На блѣдныя смотря ихъ поколѣнья,
Владиміръ часто думалъ: Боже мой!
Ужели плодъ наукъ и просвѣщенья
Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратомъ униженья?
О русскіе, вѣдь былъ же вамъ разгулъ
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла;
Вѣдь доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ

Когда вы шли на Ярославовъ Дворъ,
И вдохновенныя ~~отчизной~~ свободой рѣчи
Рѣшили споръ на новгородскомъ вѣчѣ;
Не разъ за честь родной своей земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Несклонные нести, въ уничиженьѣ,
Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья:
Уже ль когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ, и міръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ, —
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
И, грустные, идете вы какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнію окованнымъ позорно,
Не по-плечу вамъ мысли блескъ живой?
Упорнымъ сномъ вы платите ль Батыю
Доселѣ дань, и плодъ ума порой,
Какъ лишній соръ, сметается въ Россію?
И не зажгла наука въ васъ собой
Сознанія и доблестей гражданства,
И будетъ вамъ она кафтанъ чужой,

Печальное безличье обезьянства?...

. . . .

X.

Родной языкъ, языкъ баяновъ давныхъ,
Боярскихъ Думъ и княжескихъ пировъ,
Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
Родной языкъ, богатый какъ природа,
Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
Чѣмъ сталъ ты? чѣмъ? Невѣжества клеймомъ
И рѣчью черни; баринъ именитый,
Увы! теперь съ тобою незнакомъ,
И русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты:
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, какъ позора убѣгая, —
Что жь будешь ты, о рѣчь моя родная,
Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

XI.

Владимiръ создалъ для себя пустыню
Въ своемъ быту. Онъ русскихъ убѣгалъ,
Но родину, какъ древнюю святыню,
Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
И веселился ею. Часто взоры
Онъ обращалъ на снѣговыя горы

И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ вершинъ,
Какъ хладный вздохъ родныхъ своихъ долинъ.

XII.

Да, посреди полуденной природы,
Онъ вспоминалъ про шумъ своихъ дубровъ,
И русскихъ рѣкъ раскатистыя воды,
И мракъ, и тайну вѣковыхъ лѣсовъ:
Онъ слышалъ гулъ ихъ съ самой колыбели,
И помнилъ какъ, свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля;
Тотъ вопль былъ свѣжъ въ душѣ его, какъ стоны
Богатыря въ цѣпяхъ. Средь благовонной
Страны оливъ, онъ вспоминалъ поля
Широкія и прудъ позеленѣлый,
Рядъ дымныхъ избъ, домъ барскій опустѣлый,
Гдѣ росъ онъ, домъ, исполненный затѣй
Тогда псарей, актеровъ, трубачей,
Всѣхъ прихотей россійскаго боярства,
Умѣвшаго такъ славно вѣкъ канать,
Успѣвшаго такъ дивно сочетать
Европы лоскъ и варварство татарства.

XIII.

Какъ Колизей, боярское село

У насъ свою исторію имѣетъ.
Одна у всѣхъ : о домѣ , гдѣ свѣтло
Жилъ дѣдъ его , наслѣдникъ нерадѣетъ.
Платя хандрой дань вѣку своему,
Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ дому;
Ища напрасно въ общей жизни пищи ,
Не можетъ онъ забыться средь псарей ;
Сокрывшися въ отеческомъ жилищѣ ,
Ругаетъ свѣтъ , скучая безъ людей.

XIV.

Ахъ , отчего мы старѣемся рано ,
И скоро къ жизни холодѣемъ мы!
Вдругъ никнетъ духъ, черствѣютъ вдругъ умы !
Едва восходъ блеснетъ зарей румяной ,
Едва дохнетъ зародышъ высшихъ силъ ,
Едва зардѣетъ пламень благородный ,
Какъ вдругъ , глядишь, завялъ , умолкъ , остылъ ,
Заглохъ и сгибъ , печальный и безплодный....
О Боже! влей въ жизнь нашу полноту ,
Пролей въ пустой сосудъ напитокъ силы ,
И мыслію проникни пустоту ,
Сознаньемъ укрѣпи нашъ духъ унылый!

XV.

Пошли еще пророка намъ, и мы
Увѣруемъ въ его живое слово;
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
Повѣдаетъ кто мы? зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньѣ,
Со страхомъ, всѣ земныя поколѣнья?
Что новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ?
Зачѣмъ на насъ, какъ на звѣзду полночи,
Устремлены съ надеждой теплой очи
Печальныхъ нашихъ братіевъ — Славянъ,
У снѣжныхъ Альпъ, въ ущеліяхъ Балканъ?

XVI.

Изъ сей главы, печальной и угрюмой,
Изъ этихъ чертъ глубоко-тяжкой думы,
Поймете вы, какъ мыслилъ мой герой —
Въ тѣ дни еще, когда въ груди младой
Есть жизнь, и въ ней волканомъ бродитъ
Все, изъ чего потомъ въ душѣ выходитъ
Осадокъ жалкій — черная хандра!
. . . .

XVII.

Сей пустотой душевною, жестокимъ
Удѣломъ нашимъ, мой герой страдалъ.
Онъ дома видя все одно, скучалъ,
И увлеченъ всеобщимъ былъ потокомъ:
Наполнить жизнь и душу онъ хотѣлъ,
Оставивши отеческій предѣлъ,
Среди иныхъ людей, въ краю далекомъ.

XVIII.

И посѣтилъ онъ новый Вавилонъ,
Вождя народовъ къ жизни вѣчно новой
Гдѣ умъ кипитъ свободнѣй вдохновленъ
На подвигъ доблести всегда готовый
Нашелъ ли онъ себѣ отраду въ немъ?
Онъ чувствовалъ, средь общаго волненья,
Среди торжествъ, побѣдъ иль пораженья,
Онъ все чужой на праздникѣ чужомъ...
Вкругъ жизнь кипитъ: витійствуютъ палаты,
Рѣшается давно-зачатый споръ, —
Тамъ каждый, въ сей божественной, богатой,
Общественной комедіи актёръ...
А онъ пришлецъ, онъ незванъ и неспрошенъ,
На чуждый пиръ судьбой случайно брошенъ!

XIX.

То завистью, то скорбію томясь,
Жизнь сихъ племенъ кипящихъ, юныхъ вѣчно,
На небеса Италіи безпечной
Онъ промѣнялъ, и думалъ онъ не разъ —
Тамъ, посреди святыхъ ея трофеевъ,
Среди ея руинъ и мавзолеевъ,
Тамъ, въ сумракѣ старинныхъ галерей,
Предъ мраморомъ античнаго ваянья,
Среди святынь ея монастырей,
Библіотекъ ученаго молчанья,
Доступны всѣмъ и пища и покой,
И царство думъ съ восторгомъ и мечтой...

XX.

Онъ правъ: искуствъ въ глубокомъ созерцаньѣ
Найдешь пріютъ для сердца, головы;
Но здѣсь, среди людей?... вотъ праздникъ шумный;
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Толпы бѣгутъ... но нашъ пришлецъ, увы!
Ужь новости въ народномъ пульчинеллѣ
Не находилъ; его скрыпачъ слѣпой,
Какъ юныхъ дѣвъ собравшихся толпой,
Не призывалъ къ веселой сальтареллѣ.

XXI.

Пускай себѣ подъ небомъ золотымъ
Поетъ народъ за кубкомъ круговымъ.
Пусть пляшетъ тамъ смуглянка молодая,
Какъ вдохновенная передъ кружкомъ,
То топая звенящимъ башмачкомъ,
То тамбуринъ гремучій потрясая...
Онъ поглядѣлъ на нихъ, а тамъ опять
Задумался и снова сталъ скучать.
Въ любимыхъ думахъ тяжкія сомнѣнья
Тѣснились въ немъ. Ища уединенья,

XXII.

Оставилъ онъ пирующій народъ
И на гору направилъ путь. Идетъ,
И вотъ предъ нимъ часовня. Вязъ зеленый
Надъ ней раскинулъ листьевъ темный сводъ,
И теплилась лампада предъ Мадонной.
Двѣ женщины склонились передъ ней:
Старушка Ave Maria читала,
И подлѣ Нина грустная стояла.
Въ ея рукахъ вѣнокъ былъ изъ лилей,
И капли слезъ струились изъ очей...

XXIII.

«У счастія свои есть тоже слезы!»
Владиміръ думалъ: «Боже, какъ бы я
Желалъ такъ плакать! Да! молись, дитя!
Твоей души младенческія грезы
Такъ сладостны... О, проклятъ будь стократъ,
Кто у тебя отыметъ этотъ кладъ, —

XXIV.

О комъ, о чемъ молилася она?...
Не шепчутъ словъ уста полуоткрыты...
Я вѣрю, не была заучена
Ея молитва въ школѣ Езуита:
Въ ней не было опредѣленныхъ словъ,
Но теплое и смутное сліянье
И чувствъ и мысли, страха и желанья...
Пугалъ ли Нину тайный мракъ годовъ?
О другѣ-ль дѣтства кроткія молитвы?
Или о томъ кто вынесъ жизни битвы?
То тайна сердца дѣвы, и она
Владѣетъ этой тайною одна.

Глава третья.

—

Владимiръ не хотѣлъ своимъ явленьемъ
Смутить молитвъ ихъ таинство; какъ бѣсъ,
Предъ свѣтлымъ праздникомъ (его сравненьемъ
Я пользуюсь) въ аллеѣ онъ изчезъ.
А тамъ ему на встрѣчу смѣхъ и споры,
И кинулся ему на шею вдругъ
Прiятель, Графъ ***.

Графъ.

– Здравствуй другъ!
Скажи, гдѣ ты? Ужь вотъ, недѣля скоро,
Я здѣсь живу и все тебя искалъ.
Былъ у тебя, ни разу не засталъ...
Ты схимникъ сталъ... Имѣю честь поздравить!
Здоровъ ли? Но позволь тебѣ представить...
Попутчикъ: вмѣстѣ ѣхали мы въ Римъ.

Владиміръ.

— Ахъ очень радъ.

— Имѣю честь.... я статскій
Совѣтникъ, Левъ Иванычъ Таракацкій.
А съ кѣмъ имѣю честь?...

Владиміръ.

— *** —

Левъ Иванычъ.

— Чинъ?
Изволили служить?

Владиміръ.

— Служилъ.

Левъ Иванычъ.

Въ отставкѣ?

Графъ.

Э, послѣ, Левъ Иванычъ, ваши справки
Вы наведете.... Какъ живешь?

Владиміръ.

— Одинъ,
Какъ видишь, хорошо.

Графъ.

— Ты зналъ княгиню
Донскую? Здѣсь она.

Владимiръ.

— Мнѣ все равно.

Графъ.

Я здѣсь нашелъ родни своей, графиню
Терентьеву.

Владимiръ

— Ты знаешь, я давно
Не ѣзжу въ свѣтъ.

Графъ.

— Но нѣтъ, вѣдь мы иную
Здѣсь жизнь ведемъ. Я нынче не танцую.

Владимiръ.

— Что-жь? дипломатомъ сталъ?

Графъ.

— Совсѣмъ не то.
Кузина, я, княгиня, Мсье Тертò,
Одинъ французъ, мы вмѣстѣ изучаемъ
Здѣсь древности. Мы смотримъ, и читаемъ,
И споримъ.... Прелесть этотъ древнiй Римъ,
Гдѣ Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзiя! не то что Фински скалы!
Жаль умеръ Байронъ! мы бы вѣрно съ нимъ
Свели знакомство! съ Байрономъ бы вмѣстѣ

Желалъ я съѣздить ночью въ Колизей!
Послушалъ, что бы онъ сказалъ на мѣстѣ,
Прославленномъ величьемъ древнихъ дней!
Какъ думаешь? вѣдь это бъ было чудо!

Владимiръ.

За неимѣньемъ Байрона, покуда
Я вамъ скажу, что лучше вамъ ѣсть сыръ,
Пить Лакрима, зѣвать на Торденонѣ,
Да танцовать на балѣ у Торлони,
Съ графинями не ѣздя въ древнiй мiръ.

Графъ.

Нѣтъ, ты жестокъ, и ты меня не знаешь.
Донская ангелъ.... Но ужели ты
Такъ золъ? Ужель ты вправду полагаешь,
Что мы не чувствуемъ всей красоты
Италiи? природа и искуства
Раждаютъ въ насъ совсѣмъ иныя чувства.

Левъ Иванычъ.

Помилуйте! я тоже испыталъ
И на себѣ. Конечно мнѣ въ Россiи,
Жить дома — лучше: связи и родные,
Карьера вся, почтенье.... но я сталъ

Совсѣмъ иной, и мысли все такія,
Которыхъ не видалъ бы и во снѣ.
Я многое здѣсь очень охуждаю;
Бездомность, жизнь въ café я осуждаю;
Но многаго и нѣтъ въ иной странѣ.
Не нравятся мнѣ Торсы, Аполлоны,
Но какъ за то понравилися мнѣ
Здѣсь обелиски! Вѣчныя колонны
Вездѣ однѣ.... и мысль есть у меня,
Какъ замѣнить колонну обелискомъ;
И въ Петербургъ писать намѣренъ я,
Подать проэктъ.... сначала людямъ близкимъ....
Коммиссію нарядятъ для того:
Построить портикъ, оперевъ его
На обелиски.... Какъ моя затѣя
Вамъ нравится?

Владиміръ.

Чудесная идея!
Исакій, жаль, къ концу уже идетъ.

Графъ.

Да, точно.

Владиміръ.

Жаль, идея пропадетъ.

Левъ Иванычъ.

Вотъ видите, вліяніе какое
Италія имѣетъ на умы;
Перерождаемся въ ней тотчасъ мы.

Владимiръ.

О да, ея вліянье роковое!
Студентъ, совѣтникъ статскій, генералъ,
Чуть воздухомъ подышетъ Буонаротти,
Глядишь, ужь знатокомъ, артистомъ сталъ,
Совсѣмъ иной по духу и по плоти!
Въ Венецію ступайте: тамъ, гдѣ Дожъ....

Левъ Иванычъ.

Поѣду, но въ какомъ же отношеньи
Венеція такъ интересна? Что жь
Особенно въ ней стоитъ осмотрѣнья?

Владимiръ.

Какъ для кого. Васъ гондолы займутъ,
Быть можетъ, тамъ; на Ривѣ балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка - по вечерамъ поютъ
На площади — все это такъ пріятно!

Левъ Иванычъ (*таинственно.*)

Остатки все республики, понятно!

Графъ.

А женщины! какая красота!

Левъ Иванычъ.

Для женщинъ я ужь старъ, не тѣ лѣта,
И ужь пора домой, къ женѣ и дѣткамъ.

Графъ.

Соскучился ужь Левъ Иванычъ нашъ,
Все просится къ своимъ гусямъ, насѣткамъ.

Левъ Иванычъ.

Такъ созданъ я и не пересоздашь.
Взгрустнется разъ иной: все бъ отдалъ, право,
За свой кружокъ, домашній самоваръ,
Да борщъ, да щи вчерашніе съ приправой,
Да костоломный русской бани паръ.
Что батюшка? а санки бѣговыя?
Рысакъ въ корню, дугою пристяжныя...
Я радъ, что я чужбину посѣтилъ,
А край родной, какъ худъ ни будь, все милъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Прекрасно, Левъ Иванычъ, дайте руку!

ЛЕВЪ ИВАНЫЧЪ.

Что, батюшка, вздохнулъ?

ГРАФЪ.

Ну, вотъ пошли...
Чуть выѣхавъ изъ варварской земли
Оплакиваютъ Скиѳы съ ней разлуку!
О скиѳство!

ВЛАДИМІРЪ.

Да, мы Скиѳы. Много въ насъ
Есть точно скиѳскихъ свойствъ.

ГРАФЪ.

Гиперборейцы!
Съ любовію къ лѣсамъ, къ степямъ, для васъ
Ей-ей, въ вѣкъ будутъ чужды Европейцы.
Нѣтъ, истинно разумный человѣкъ —
Космополитъ. Въ немъ душу восторгаетъ
Развитіе, успѣхъ; онъ наблюдаетъ
Какъ все впередъ, впередъ стремится вѣкъ,
И гдѣ успѣхъ, онъ тамъ отчизну видитъ.
Отсталое одно онъ ненавидитъ.
Жаль, некогда теперь мнѣ; подожди,
Nous discuterons – рѣшенье впереди...

Но странно, ты не бросилъ за границей
Патріотическихъ своихъ идей?

Владиміръ.

Никакъ не могъ: во мнѣ еще сильнѣй...

Графъ.

Все вздоръ! повѣрь, окончишь ты больницей
Умалишенныхъ.... Faut que je te quitte,
Прощай, о скиѳъ!

Владиміръ.

Прощай, космополитъ!
Кто жь правъ изъ нихъ? Ей-ей, рѣшить боюсь...
Какая сила въ этомъ словѣ — Русь!
Вдохнешь, его промолвя, глубокò;
И мысль пойдетъ бродить такъ широкò,
Грустна, какъ пѣсни русской переливы,
Безцвѣтна, какъ разгулъ родныхъ равнинъ,
Гдѣ вѣтеръ льнетъ ко груди полной нивы,
Гдѣ все жилье — рядъ избъ, въ тѣни рябинъ,
А далѣ — небо блѣдными краями
Слилось съ землей, за синими лѣсами...

Глава четвертая.

—

Когда впервые Нина услыхала
Слова, какимъ дотолѣ не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалося безмѣрно разстоянье,
Межь ей и тѣмъ, кто эти зналъ страданья.
Сперва зажглось лишь любопытство въ ней;
Потомъ ей втайнѣ сдѣлалось пріятно
Жалѣть о другѣ новомъ; непонятно
Къ нему неслись ея всѣ мысли; онъ,
Казалось ей, достоинъ лучшей доли —
А какъ помочь? въ ея-ли это волѣ?
Быть-можетъ, онъ озлобленъ, оскорбленъ,
И рождена она, какъ знать? съ призваньемъ
Вновь помирить его съ существованьемъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Что вашъ больной, Нинета?

НИНА.

Ничего,
Гораздо лучше. Нынче понемногу
Онъ сталъ гулять. Припадки у него
Все рѣже.

ВЛАДИМІРЪ.

Стало быть, угодны Богу
Молитвы ваши?

НИНА.

Я за всѣхъ молюсь
Кого люблю.

ВЛАДИМІРЪ.

Счастливецъ!

НИНА.

Но Карлино...
Онъ не одинъ... Синьоръ, я вамъ кажусь
Простою дѣвочкой; — такъ — бѣдной Ниной;
Вамъ кажется — гдѣ мнѣ васъ оцѣнить...

Но есть у женщинъ въ сердцѣ голосъ ясный;
Что вамъ даютъ науки, можетъ быть,
У насъ врожденное: вѣдь вы несчастны,
Признайтесь?

ВЛАДИМІРЪ.

Кто же вамъ сказалъ?

НИНА.

Вашъ взглядъ
И сердце. Вы несчастны?

ВЛАДИМІРЪ.

Ради Бога,
Оставимъ это. У мужчины много
Есть въ сердцѣ струнъ, которыя молчатъ
И чужды въ женскомъ сердцѣ. Есть заботы,
Недуги есть, безвѣстные для васъ,
А ихъ лечить нѣтъ силъ и нѣтъ охоты
Ни у кого.

С. ТЕТА (*мать Нины*).

Да, да, неровенъ часъ.
Покойникъ мой былъ свѣжъ: однажды рано
Пришелъ домой: весь блѣденъ какъ сметана.

Сталъ охать, слегъ. Я къ доктору. Тотчасъ
Пустили кровь. Три доктора собрались —
И всѣ лечить бѣдняжку отказались.
Какъ стукнетъ часъ, такъ не уйдетъ никто.

Нина.

Ахъ маменька, да это вѣдь не то.

Свора Тета.

Ну какъ не то? Вотъ поживи на свѣтѣ...
Но впрочемъ вы себѣ толкуйте, дѣти,
Мнѣ некогда и къ дѣлу своему
Пора.

Нина.

Скажите мнѣ: я васъ пойму!
У васъ, синьоръ, душевныя страданья?

Владимiръ.

Какъ вамъ назвать ихъ? Нѣту имъ названья!
Душевной пустотой? Нѣтъ! иногда
Душа полна восторга и въ волненье
Ее приводитъ доблесть, вдохновенье
И образъ генiальнаго труда...
Иль сномъ ума? Нѣтъ, онъ не спитъ и шумно
Работаетъ, и любитъ онъ труды;

Онъ труженикъ: какъ рудокопъ безумный,
Все роется и ищетъ онъ руды;
Но до нея не можетъ онъ дорыться,
И подрываетъ только то, что въ немъ
Святѣйшаго, небеснаго таится.

Нина.

Любили-ль вы? Любимымъ существомъ
Вы были-ль поняты?

Владиміръ.

Да, *жизни розы*,
Какъ говорятъ поэты, зналъ и я —
И тернъ ея я знаю. Жизнь моя,
Увы! полна поэзіи и прозы
Двухъ страшныхъ словъ: любилъ и разлюбилъ!
Я многое достойно оцѣнилъ!
Была пора: всѣ жребіи земные,
Казалось, я въ рукахъ своихъ держалъ:
Для общества людей я посвящалъ
Всѣ чувства лучшія, мечты святыя,
На благо имъ, я думалъ, я рожденъ —
И могъ бы быть... Смѣшной и глупый сонъ!
Съ горячей головой, горячей кровью,
Въ душѣ къ добру, къ прекрасному съ любовью,

Принесть я думалъ на алтарь любви
Свой трудъ и славу, всѣ мечты свои...
Гражданской доблестью кипѣлъ я рано...
Ахъ, бросимъ это, бросимъ! это рана
Болящая и женщинѣ нельзя
Ея понять... Въ груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожденъ былъ жить для лучшихъ дней —
То лучшихъ чувствъ послѣднее дыханье!
Обманутый, весь пылъ моихъ страстей,
Все что цѣнилъ, я назвалъ пустяками;
Во всемъ тогда вдругъ усумнился я,
Что такъ срослось съ моей душой, съ мечтами.
Я колебался. Адская змѣя
Какъ-будто облила мнѣ душу ядомъ.
Бѣсился я, слѣпцомъ себя я звалъ...
Потомъ и сомнѣваться пересталъ,
И равнодушія былъ облитъ хладомъ;
И зло теперь меня не удивитъ,
Добро не поразитъ, не оживитъ —
Что жь мнѣ осталось въ жизни?

Нина.

Безъ сомнѣнья

У васъ враги есть?

Владимiръ.

Нѣтъ ихъ къ сожалѣнью!
Или, когда хотите, самъ себѣ
Я врагъ. Зачѣмъ я раньше пламень чувства
Не утушилъ, покорствуя судьбѣ;
Не изучилъ безстрастія искуство;
Зачѣмъ я пылкій умъ не заморилъ
Въ бездѣйствіи: тогда бъ какъ камень вѣчный,
Какъ статуя, – я прожилъ бы безпечно;
И подъ конецъ конечно бы вкусилъ,
Всѣмъ прихотямъ судьбы своей покорный,
Нелѣпое блаженство жизни вздорной.
Не понимать, не видѣть, не слыхать,
Безумно лучшей цѣли не искать,
Не чувствовать мнѣ было бы отрадой,
И вѣчный миръ за то бъ мнѣ былъ наградой!
А то теперь, всѣ прежнія мечты,
Всѣ высшія души моей начала —
Все злобный образъ демона пріяло!
И демонъ этотъ слѣдуетъ за мной;
Онъ съ красоты срываетъ покрывало;
Онъ между мною и трудомъ моимъ,
Межь мной и другомъ лучшимъ; между мною
И женщиной — скелетомъ гробовымъ

Становится... Насмѣшливостью взоровъ
Спасаетъ ли меня въ грядущемъ онъ
Отъ новыхъ бѣдъ, мученій и укоровъ —
Не знаю, но имъ вѣкъ мой отравленъ.

Нина.

О Боже, Боже! вы мечтатель страстный!
Страдаете вы только потому
Что вы одни, а волю дать уму,
Живя въ пустынѣ, тяжко и опасно.
Быть можетъ жизнь веселая недугъ
Излечитъ вашъ; иль дружба... вѣрный другъ
Есть лучшая опора намъ въ страданьѣ...
Любовь... она должна вамъ посвятить
Все, жизнь свою, мечты, существованье...
И вы ее найдете, можетъ быть...

И бѣдная, закрывъ лицо руками,
Вдругъ залилась горячими слезами.

Глава пятая.

—

I.

Вы спросите, предъ дѣвочкой простой
Владимiръ для чего такъ откровенно
Все высказалъ, что было за-душой?
То былъ ли въ немъ или порывъ мгновенный,
Иль хорошо расчитанный ударъ?
Хотѣлъ ли повторить онъ съ сердцемъ Нины
Урокъ давно затверженный въ гостинной,
И этотъ вздохъ и этотъ чувства жаръ
И горечь жизни трудной и безцѣльной
Ужели все фальшиво и поддѣльно?..,
Да, трудно дать на то прямой отвѣтъ —
Какъ вамъ сказать.... И да и нѣтъ.

II.

Владимiръ былъ воспитанъ въ школѣ свѣта.
Онъ зналъ любовь — и только разъ любилъ,

Какъ любимъ всѣ мы въ молодыя лѣта;
Потомъ слегка любовію шутилъ…
Онъ разъ любилъ: всѣ, думалъ, совершенства
Заключены въ избранницѣ его;
Потомъ онъ понялъ (и прости блаженство!),
Что онъ любилъ себя лишь самого:
Что въ ней, какъ солнце въ морѣ, отражались
Лучи его мечтаній молодыхъ,
Что видѣлъ въ ней все, что въ мечтахъ своихъ
Хотѣлъ онъ видѣть… но мечты умчались:
Онъ увидалъ, какъ сбросивъ маски съ лицъ,
Избранницы его преображались
Въ боярынь изъ мечтательныхъ дѣвицъ,
Въ Настасіи Лукьяновны изъ Насти…
Не умеревъ однакожь отъ тоски,
Онъ посмотрѣлъ на жизнь, на сердце, страсти,
Анализа въ холодные очки.

III.

Какъ согласить всѣ эти переходы
Изъ нѣжныхъ дѣвъ въ боярынь онъ не зналъ,
И блѣдностью полунощной природы
Онъ блѣдность лицъ и душъ ихъ объяснялъ.
Онъ овладѣлъ заманчивымъ искуствомъ
Играть, шутить и управлять ихъ чувствомъ;

И даже иногда былъ такъ счастливъ,
Что пробуждалъ къ высокому порывъ
У нашихъ дамъ — сихъ жрицъ роскошной лѣни,
Что погрузясь дивана въ мягкій пухъ,
Покоятся какъ жены ханской сѣни,
Откуда Гименей, какъ злой эвнухъ,
Прогналъ и музъ и бога пѣснопѣній...
Но съ тѣмъ прости пора волшебныхъ сновъ,
И въ душу пустота легла невольно:
Что [illegible] дня [illegible] черни Богомол[illegible]
Не таинство дня [illegible]

IV.

Такъ нашъ герой изъ этой свѣтской школы
Извлекъ урокъ печальный и тяжелый.
Онъ въ главный догматъ кодекса любви
(Любви дѣвицъ и мальчиковъ) не вѣрилъ:
На бытіе двухъ душъ *родныхъ* свои
Не полагалъ надежды; чувство мѣрилъ
Не цѣлой вѣчностью, но онъ цѣнилъ
Минутное, быть можетъ, увлеченье
И къ горю дѣвъ, давно имъ говорилъ:
Вѣрнѣе вѣчности одно мгновенье.

V.

А здѣсь, теперь? Одинъ въ самомъ себѣ
Свидѣтель внутренней, глубокой драмы,
Одинъ и зритель и атлетъ въ борьбѣ
Высокихъ чувствъ души съ судьбой упрямой, —
Невольно онъ предъ первымъ, кто спросилъ
Съ участіемъ: «о другъ мой, что съ тобою» —
Что было въ немъ довѣрчиво излилъ,
И лѣтопись печальную раскрылъ
Предъ чистою, невинною душою...

VI.

Разъ встрѣтилъ онъ мать Нины. Смущена,
Какъ полоумная была она.
«Что ваша Нина?» — Нина? двѣ недѣли
Какъ все больна и не встаетъ съ постели;
Горячка страшная... Я день деньской
Все на ногахъ... За что, за грѣхъ какой
О Господи, насъ посѣтилъ слезами!
Къ себѣ пускаетъ лишь одну меня.
Карлино не видалъ ея три дня.
Она зоветъ васъ, бредитъ только вами.
Пріидите къ намъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ мнѣ?... Нѣтъ, мнѣ нельзя.
Мое явленье можетъ быть опасно —
Я испугать ее могу. Напрасно
Боитесь вы. Пройдетъ, увѣренъ я,
Ея болѣзнь. Горячки въ эти лѣта
Бояться нечего. Притомъ пора,
Мнѣ ѣхать надо, ныньче въ ночь, до свѣта,
Прощайте, я уѣду до утра.

СЬОРА ТЕТА.

Какъ ѣхать? Что вы? Что вамъ торопиться?
У васъ квартира на годъ вѣдь. Что жь такъ?
Куда?...

ВЛАДИМІРЪ.

Еще не знаю.

СЬОРА ТЕТА.

Съ ней проститься
Вы не хотите?

ВЛАДИМІРЪ.

Не могу никакъ.

VII.

Онъ понялъ все... Что жь дѣлать? Надо
Бѣжать; бѣжать отъ новыхъ, тяжкихъ золъ

И, можетъ быть, отъ счастья и отрады...
Кто знаетъ, для него, быть можетъ, цвѣлъ
Въ сѣни оливъ и лавровъ фраскатанскихъ
Сей горный цвѣтъ на кампяхъ тускуланскихъ;
Затѣмъ, быть можетъ, *высшая рука*
Его вела чрезъ Альпы снѣговыя,
Въ сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые —
Такъ нашъ Владимiръ думалъ и мечталъ.
. . . .

IX.

. . . .
О, женщинамъ удѣлъ завидный данъ —
Въ несчастiи – покорность и терпѣнье!

X.

И выдвинулъ онъ пыльный чемоданъ,
Сложилъ свои невинныя творенья —
Бумаги, гдѣ описывалъ онъ Римъ,
Десятокъ книгъ, пейзажи и портреты,
Всѣ древности отысканныя имъ,
И зарядилъ въ дорогу пистолеты.
«Въ путь, въ путь, друзья мои! Въ краю иномъ,
По прежнему мы съ вами заживемъ!
Въ Россiи мирно лежа на лежанкѣ,

Не въ первый разъ намъ чувство подавлять,
Утѣшимся; а тамъ начнемъ писать
Еще стихи къ прелестной Фраскатанкѣ!
Конечно ихъ, по счастью, не прочтутъ...
Но всѣ меня поэтомъ назовутъ —
Поэтомъ быть — великая отрада!
Всѣ думаютъ иначе онъ рожденъ,
Иначе чувствуетъ и мыслитъ онъ...
О жизнь, о жизнь! ты даръ небесъ иль ада?

XI.

«Я ѣду. Долгъ и честь мнѣ такъ велятъ.
Но отчего, на *подвигъ благородный*
Рѣшившися, ни грустенъ я, ни радъ
Особенно? съ рѣшимостью холодной
Мнѣ все ровно итти что въ смертный бой,
Что за обѣдъ . . . .
Плодъ это сплина или воспитанья?

XII.

«Да, Нину испугала пустота
Моей души. Душа безъ упованья,
Безъ пламенныхъ стремленій и мечтанья!
Исторія жь ея или проста,
Какъ хроника монаха-грамотѣя,

Иль полная, живая эпопея.
Все дѣло въ томъ лишь, какъ ее понять.
Есть случаи, и ихъ ни разсказать,
Ни описать — а сколько въ нихъ значенья,
Думъ сладостныхъ, для сердца вдохновенья!
Хоть наша встрѣча... какъ тутъ описать?
Съ Наташей... странная еще отрада
Мнѣ въ имени ея и до сихъ поръ.
Казалось намъ — и съ перваго ужь взгляда
Что дружны мы давно, и разговоръ
Нашъ былъ какъ бы друзей давнишнихъ; взоръ
Досказывалъ неконченныя рѣчи —
А тотъ восторгъ, а тѣ полуслова,
Пожатье рукъ, условленныя встрѣчи!...
А этотъ вздоръ, которымъ голова
Моя тогда пылала! Жажда славы!
Какъ всюду я кидался на лукавый
Ея привѣтъ... все улыбалось мнѣ;
Науки были ясны такъ, какъ слѣпы
Ученые и книги ихъ нелѣпы;
Какъ подорвать я думалъ въ тишинѣ
Весь хламъ системъ ихъ... но, наскучивъ ими,
Я бросилъ ихъ, назвавши ихъ смѣшными.
Мнѣ дѣйствовать хотѣлось! . . . .
. . . .

Я думалъ, что въ воинственномъ разгулѣ
Есть больше жизни! Браво! На Кавказъ!
Вотъ фактъ простой; случалося не разъ,
Въ какомъ небудь разграбленномъ аулѣ,
Въ ущеліи стоишь на караулѣ.
Гдѣ больше прозы? А какъ заглянуть
Тогда мнѣ въ душу, въ сердце, въ грудь —
Какая тамъ поэма клокотала!
Какая рама ей была!... Потомъ
Все просто: я спѣшилъ въ любимый домъ —
Увы! кумиръ мой — замужемъ. Сначала
Не вѣрилъ я, а тамъ повѣрилъ. Съ ней
Мы видѣлись — о прошломъ ни полслова,
Какъ будто все въ порядкѣ шло вещей.
Упрека и отчаянья смѣшнаго
Не обнаружилъ я, и какъ Катонъ,
Все перенесъ... а сколько есть Катоновъ?
Что жь это? Плодъ общественныхъ законовъ?
Кто не таковъ, тотъ нынче и смѣшонъ...
Сократы вѣка! ядъ мы пьемъ послушно,
Не жалуясь, что смертоносенъ онъ —
Живьемъ себя хоронимъ равнодушно!»

Глава шестая.

—

I.

Такъ онъ сидѣлъ, добыча тяжкихъ мукъ,
Свѣча горѣла тускло у камина;
Стихали вкругъ сосѣди къ ночи. Вдругъ
Открылась дверь, въ дверяхъ явилась Нина.
Она была вся въ бѣломъ. По плечамъ
Вилась коса. Порывъ души смятенной
И сумракъ придали ея очамъ
Чудесный блескъ. Не дѣвою смиренной,
Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественнымъ рѣчамъ...
Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасныя черты одушевлялъ;
Румянецъ съ блѣдностью въ лицѣ игралъ,
Вздымало грудь неровное дыханье.

Владиміръ.

Какъ! Нина здѣсь? Такъ поздно...

Нина.

— О, ты мой!
Ты здѣсь еще!... Нѣтъ, то обманъ, я знала.
Вѣдь ты не думалъ, не хотѣлъ меня
Убить... Ихъ шутка!.. а какъ я страдала
Отъ этой шутки!

Владиміръ.

Бѣдное дитя!
Что, что съ тобою?... Нина, успокойся,
Ты такъ встревожена.

Нина.

О нѣтъ, не бойся!

Владиміръ

Ты плачешь?...

Нина.

Нѣтъ, теперь ужь я смѣюсь —
Вѣдь я съ тобой. Пускай прійдетъ міръ цѣлый,
Я вкругъ тебя руками обовьюсь,
Какъ змѣй... Я буду биться львицей смѣлой,
И не отдамъ тебя.

Владиміръ.

Скажи жь чего
Боялась ты?

Нина.

Ты ѣдешь?

Владиміръ.

До того
Кому нужда?

Нина.

Ты ѣдешь?

Владиміръ.

Да... и скоро.

Нина.

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
Въ глаза мнѣ прямо. Что̀ въ моей груди?
Прочти что̀ въ ней?... Ты понялъ? Приговора
Судьбы ты не прочелъ въ ней?... такъ иди,
Прочь камень сѣверный, палачъ жестокій...
Прочь! по свѣту скитайся одинокій!
Но... милый другъ, клянись мнѣ навсегда...

Владиміръ.

Мой ангелъ, успокойся.

Нина.

Я тверда,
Я въ памяти. Не глупый бредъ простуды
Мои слова. Послушай, я клялась...
Мнѣ сердце — Богъ; я сердцу отдалась.
Черезъ мой трупъ ты выйдешь лишь отсюда.
Одно лишь слово — и рѣшилась я.
Скажи мнѣ прямо: любишь ли меня?

И взоръ, сверкавшій нѣкой дивной силой,
Она въ него безумно устремила.
Онъ былъ въ борьбѣ съ собой.

Нина.

Не любишь, нѣтъ?
Знай, гдѣ бъ ты ни былъ, я пройду весь свѣтъ,
Я отыщу... отмщу... Самъ Богъ порука!

Владиміръ.

Меня ты знаешь, Нина. Жизнь мнѣ мука.
Тебя обречь той мукѣ – нѣту силъ
Во мнѣ. Быть можетъ, я бъ тебя любилъ
Послѣднею любовію моею;
Любилъ бы такъ, какъ, можетъ быть, никто.
Въ моей душѣ вѣдь только заперто

А не погасло чувство — но не смѣю
Души твоей я отравить собой.

Нина.

Не думай обо мнѣ. Здѣсь жребій мой —
Любовь. Любовь не есть расчетъ презрѣнный
О благахъ жизни, а законъ священный.
Гдѣ голосъ сердца — голосъ Божій въ немъ!
Нельзя любить и разлюбить потомъ...
Въ послѣдній разъ тебѣ, быть можетъ, нынѣ
Твой жребій ясенъ. Другъ мой, выбирай:
Его отвергнуть хочешь ли? Но знай,
Отказъ твой — смерть твоей несчастной Нинѣ.
Я смерть найду.

Владиміръ.

Но Нина, погляди,
Чего ты хочешь. Ко всему презрѣнье
Питаю я; но у меня въ груди
Къ невинности осталось уваженье.
Тебя поймать въ разставленную сѣть
Легко; упиться ласками твоими,
И послѣ къ нимъ остыть, охолодѣть,
И послѣ бросить...

Нина.

О, клянусь святыми,

Я поняла огонь твоей души
И благородство чувствъ.

Владимiръ.

И такъ рѣши,
Мой ангелъ.

Нина.

Я тверда.

Владимiръ.

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

Нина.

Все знаю я.

Владимiръ.

Оставить край, гдѣ все — сады, поля
Блистаютъ розами; гдѣ небо пышетъ
Лазурью жаркой, звѣзды такъ горятъ,
Гдѣ съ дѣтства все лелѣяло твой взглядъ,
И промѣнять все то на край, гдѣ дышетъ
Почти весь годъ и вьюга и морозъ,
Въ нагихъ поляхъ ни миртовъ нѣтъ, ни розъ,
И люди ходятъ — мѣхомъ обвитые!

Нина.

Я знаю все.

Владимiръ.

Оставить кругъ друзей,
И промѣнять ихъ... на какихъ людей?
Ты знаешь ли, что значитъ свѣтъ? Какiя
Тамъ существа? Ты съ ними вѣкъ живешь,
И каковы они — не назовешь.
Въ нихъ скрыто маской чувство и природа,
И даже сердца скована свобода!
Какъ ты войдешь отъ головы до пятъ
Тебя измѣритъ ихъ холодный взглядъ;
Пустой привѣтъ ихъ рѣчи — шипъ змѣиный;
Ихъ пустоту подъ пышною личиной
Ты въ силахъ снесть?

Нина.

На все готова я,
На все, на все! Въ тотъ мигъ, когда тебя
Я встрѣтила, тогда лишь я узнала,
Что у меня въ груди есть сердце. Ты
Его извлекъ изъ сна и темноты,
И съ той поры мнѣ жизнь понятна стала;
Ты вкругъ меня разлилъ чудесный свѣтъ...
Нѣтъ, я Карлино не любила... нѣтъ!

И какъ звѣзда вечерняя склонила

Она головку ко груди его,
И повторяла глядя на него:
«О нѣтъ, нѣтъ, я Карлино не любила....

Карлино *(входитъ)*.

А онъ тебя, преступница, любилъ,
Неблагодарная, любилъ душою!...

Нина.

Онъ здѣсь, о Боже!...

Карлино.

Здѣсь и слышалъ все.

Нина.

Ты слышалъ?... Что жь ты слѣдуешь за мною?

Карлино.

Ты думаешь, что счастіе свое
Продамъ такой я низкой цѣною?
(вынимаетъ ножъ).
Молись, въ послѣдній разъ молись! змѣя!

Нина.

Владиміръ... Боже! онъ убьетъ меня...
(Владиміръ беретъ кинжалъ. Нина бросается между ними).

Нина (*Владиміру*).

Оставь его: онъ звѣрь! онъ звѣрь!... Карлино!
Отъ дѣтства знала друга я въ тебѣ —
Молю я, выслушай!... Моей мольбѣ
Отказа ты не зналъ... я та же Нина...

Карлино.

Та жь Нина!... Мной пригрѣтый змѣй...
Та Нина! Та, кого отъ дѣтскихъ дней
Лелѣялъ я, какъ мать лелѣетъ сына,
Иль болѣе — вѣдь такъ не можетъ мать,
Какъ я тебя, любить и обожать...
И что жь? съ другимъ цѣлуясь, все забыла,
Клянется, что меня и не любила!...

(*Владиміру*).

Оставь ее, оставь: она моя.

Владиміръ.

Бой съ женщиной... постыденъ бой неровный...
Стыдися! за нее отвѣчу я!
Условимся спокойно, хладнокровно.
Сойдемся за горой съ разсвѣтомъ дня.
Судья намъ будетъ Богъ.

Карлино.

Изволь съ тобою
Сойдемся завтра... нынче съ ней расчетъ.

Нина.

Не вѣрь ему, Владимiръ, онъ убьетъ,
Обманетъ!

Карлино.

Замолчи!... (*Убиваетъ ее*).
Знай, я любить умѣлъ – умѣю мстить!...
Людей пустыхъ угрозъ я не робѣю,
Я жилъ съ людьми: былъ добръ; умѣлъ любить,
И наругаться ими я съумѣю!

Нина.

Бѣги!... ему, о другъ мой, не ввѣряйся.
Знай, знай, Карлино, я его люблю.

Владимiръ.

О Нина...

Нина.

Другъ... увидимся... спасайся...

Владимiръ.

Убiйца низкiй! я отмщу, злодѣй!

Карлино.

Увидимъ! (*кидается къ окну*).
Эй! на помощь! помогите!
Разбой, разбой! Преступникъ здѣсь! Вяжите!
(*Вбѣгаетъ народъ*).

Вотъ онъ: давно за Ниной моей
Ухаживалъ и сѣти ставилъ ей.
Онъ заманилъ ее: угрозой, лестью
Онъ обольстить, злодѣй, ее хотѣлъ.
Въ слезахъ она противиласъ безчестью,
Кричала. Я на вопль ея поспѣлъ.
Вломился въ дверь. Онъ, яростью кипящій,
Ее зарѣзалъ! .. Нина, ангелъ мой!
То ль было намъ обѣщано судьбой?

Владиміръ.

Онъ лжетъ, онъ лжетъ!...

Народъ.

Она какъ ангелъ спящій!
Ужели онъ убилъ?
— Онъ былъ всегда
— Такъ добръ.
— Да, добръ; всегда похожъ на волка.
Я говорилъ, не будетъ никогда
Отъ этихъ выходцевъ пути и толка.
— Ахъ онъ злодѣй!
— Карлино бѣдный! Жаль
Его: они другъ друга такъ любили!
— А мать чего смотрѣла? Были

Совѣты ей.

— Ее убьетъ печаль.

— Да, съ полчаса тому, какъ забѣгала
Она ко мнѣ и дочери искала.
— И къ намъ! — И къ намъ!

— Я только что ложусь,
Карлино въ дверь: вѣдь испугалъ, божусь!

Сьора Тета.

— Гдѣ, гдѣ она?... Дитя мое родное!
Дитя мое!... Проснися, золотое!
Откликнись! что я сдѣлала тебѣ?
Нинета! или ты меня не знаешь?...
За что, о Боже, ты меня караешь?...
Къ такой ли я готовила судьбѣ
Тебя, мой ангелъ... О безчеловѣчный,
Я изорву тебя... я кровь твою
Испью... Или убей меня, молю,
Я буду съ ней, съ моею Ниной вѣчно!

Карабинеры.

Прибрать старуху. Тѣло унести.

Народъ.

Да, бѣдной ей пришлось теперь плести
На дочкинъ гробъ гирлянды подвѣнечны.

Карабинеры.

Преступника, свидѣтеля свести
Въ тюрьму. Карлино! Гдѣ онъ? гдѣ онъ? скрылся!

Народъ.

Чтобъ съ горя онъ на жизнь не покусился.

Глава седьмая.

I.

Идутъ года... Съ Адама мы твердимъ
Единодушно эту правду злую.
Оставимте Италію святую,
Оставимте Фраскати, пышный Римъ,
На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю, ужь я наскучилъ вамъ
Твердя одно: «Италія святая!»
Но вѣдь она не вовсе намъ чужая,
Дары ея завѣщаны и намъ.
И намъ ея отворены чертоги,
И мы званы священствовать во храмъ,
Гдѣ царствуютъ досѣль, на зло вѣкамъ,
Изъ мрамора изваянные боги;
Гдѣ властвуетъ надъ нѣжною душой,

И красоты и славы мощный геній,
Гдѣ въ золотѣ и въ бронзѣ вѣковой
Повсюду мысль протекшихъ поколѣній
Записана ихъ творческой рукой...
Вкругъ этихъ чертъ бродящіе народы,
Читая ихъ, вы поняли ль ее?
Въ себѣ, въ себѣ узнали ль бытіе
Иной, святой, возвышенной природы
И чувствъ иныхъ біеніе въ груди?
Не поняли? Такъ Богъ ужь васъ суди!

II.

И такъ прости, прости на годы многи!
Быть можетъ, я подъ миртъ твой вновь пріиду,
Но тотъ же ль буду? Тѣ же ли найду
Здѣсь сердца сны, восторги и тревоги?
Иль постепенно сѣверъ заморитъ
То, что меня теперь животворитъ....
Прощай руинъ зеленый плющъ и розы,
И ты, царица спящихъ сихъ долинъ,
Грусть думная, восторженныя слезы....
Пойму ль когда опять языкъ руинъ?
Отвѣчу ль имъ высокими страстями?....
Прощай, о говоръ вѣчно шумныхъ струй.

И ты смуглянка, съ яркими очами,
И жаркій нашъ подъ миртомъ поцѣлуй....
О, трудно мнѣ послѣднее прощанье,
Италія, въ слезахъ тебѣ сказать,
Какъ тяжело, о милое созданье,
О ангелъ мой, въ послѣднее лобзанье
Отъ устъ твоихъ уста мнѣ оторвать.

III.

Прислушайтесь.... звучатъ иные звуки...
Унынье и отчаянный разгулъ...
Разбойникъ ли тамъ пѣсню затянулъ,
Иль дѣва плачетъ въ грустный часъ разлуки?
Нѣтъ, то идутъ съ работы косари...
Кто жь пѣснь сложилъ имъ? Какъ кто? Посмотри
Кругомъ: лѣса, саратовскія степи,
Нужда, да грусть, да думушка...

IV.

Пойдемъ на звукъ волынки полевой.
Какъ вечеръ тихъ! Въ росѣ фіалка дышетъ;
И свищетъ соловей въ глуши лѣсной,
И долго въ ночь заря на небѣ пышетъ.

Вотъ барскій домъ на холмѣ. Вкругъ стоятъ
Пушистыя березы вѣковыя,
Ряды теплицъ, а подъ горою садъ
И прудъ, а тамъ избушки тесовыя
По берегу излучистой рѣки.

V.

Вотъ на гору поднялись мужички,
Все съ пѣснями; но только увидали
Господскій домъ, примолкли, шапки сняли;
Прикащикъ къ барину пошелъ одинъ,
Чтобъ доложить какъ много десятинъ
Распахано, и скошено, и сжато.

VI.

Кто жь баринъ-то! Узнаете ль вы его,
Читатели?... Разсказа моего
Онъ былъ герой въ Италіи богатой.
Да полно онъ ли? Какъ онъ потолстѣлъ,
(Что значитъ вѣдь у насъ, похорошѣлъ)
Румянъ, здоровъ, глаза какъ масляписты,
И праздничный какой имѣетъ видъ!...
Что жь? Дай Господь! Въ деревнѣ апетитъ,
Движенье, сонъ, хозяйство, воздухъ чистый...

VII.

Владиміръ! здравствуй! Какъ-то ты живешь?
Рисуешь, пишешь, классиковъ читаешь?
Остришь надъ всѣмъ? влюбленъ? успѣшно?.. Чтожь?
О, милый мой, какъ громко ты зѣваешь!...
Посмотримте, какъ онъ проводитъ день.

VIII.

Онъ возвратясь давно изъ-за границы,
И не заѣхалъ въ русскія столицы,
А въ глушь своихъ забился деревень.
Выписывалъ газеты и журналы,
Сперва читалъ ихъ всѣ, а послѣ мало,
И наконецъ читать ихъ пересталъ.
Онъ Quotidienne и Siècle получалъ,
И прочіе различнаго объема,
Различные умомъ и остротой,
И наконецъ Diario di Roma,
Съ его кузиной Сѣверной Пчелой.

IX.

Разъ дождикъ шелъ. Какъ кровлею тяжелой,
Все небо тучею обложено.

Туманъ сокрылъ и холмики, и долы;
И грязь, и сыро, скучно и темно.
Владиміръ поздно всталъ; пилъ чай душистый;
Кольцомъ пускалъ изъ трубки дымъ волнистый;
Насвистывалъ затверженны давно
Въ Италіи еще, два-три мотива —
Fra poco – изъ Лучіи, Casta diva
Изъ Нормы, и свистя, смотрѣлъ въ окно,
Иль въ комнатѣ ходилъ діагонально.
Остановясь передъ окномъ, въ стекло
Сталъ барабанить. «О климатъ печальный!
«Какая грусть! Ни выйти на село,
Ни на гумно! Чай озимь пострадаетъ...
Поѣхать на охоту?... да хромаетъ
Пегасъ. Къ тому жь я что-то тяжело
И неспокойно ночью спалъ сегодня.
Дай заглянуть въ какой нибудь журналъ.»
Онъ кипу цѣлую журналовъ взялъ,
Случайно вынулъ нумеръ прошлогодній
Diario di Roma и читалъ:

«Богоотступникъ и злодѣй Карлино,
«Оставивши Абруцци, между скалъ
«Разбилъ свой станъ, подъ самой Палестриной.
«Извѣстный Лордъ *** проѣзжалъ

«Въ Неаполь и, съ семействомъ и женою,
«Зарѣзанъ былъ разбойничьей толпою.
«Межь жителей распространился страхъ;
«Правительство усиливаетъ мѣры:
«Отправлены туда карабинеры,
«Учреждены конвои на путяхъ.»

— Карлино?... Ужь не онъ ли тотъ Карлино,
Котораго знавалъ я?... Можетъ быть.
— Онъ далѣе читалъ:
«Но изловить
«Не могутъ шайки, и отъ Палестрины
«Уже къ Дженсано перешелъ злодѣй.
«Намедни шли въ Альбано капуцины
«И дѣвушка. Презрѣнный извергъ сей
«Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей...»

Но на бѣду, вошелъ на мѣстѣ этомъ
Павлушка въ дверь (смотритель за буфетомъ).

Ужасно хочется мнѣ въ мой разказъ
Всего два слова лишнія прибавить
На счетъ Павлушки, чтобъ, шутя, для васъ
Всю біографію его представить.
Онъ бариномъ еще покойнымъ, старикомъ,
Былъ взятъ во дворъ господскій казачкомъ.

Одѣтъ былъ въ казакинъ и панталоны
Широкіе, а на груди патроны.
Донынѣ казакина своего
Онъ не лишилъ нашивки сей. Его
Павлушкой звали дѣвушки-вострушки,
И до сѣдинъ остался онъ Павлушкой.
Вотъ все.

ПАВЛУШКА.

Обѣдъ готовъ-съ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что супъ иль щи?

ПАВЛУШКА.

«Вы приказали щи.

ВЛАДИМІРЪ.

Еще что будетъ?
Жаркое дичь; съ подливкою лещи...

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи-ко повару, не то забудетъ,
Чтобъ онъ въ подливку луку покрошилъ.
Пойти обѣдать.

(*За обѣдомъ*).

ПАВЛУШКА.

Утромъ приходилъ
Петрушка Чайковскій.

ВЛАДИМІРЪ.

Ну что жь?

ПАВЛУШКА.

Ишь, баринъ
Его просилъ откушать васъ. Татаринъ
И Лыковъ будутъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что жь мнѣ до сихъ поръ
Не доложилъ?

ПАВЛУШКА.

Онъ былъ часу въ десятомъ,
Вы почивать изволили. Да въ дворъ
Еще наѣхалъ было Ласловъ съ братомъ,
Я отказалъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что жь это? за меня
Распоряжаться стали вы?

ПАВЛУШКА.

Да я
Подумалъ такъ, что будетъ неугодно
Вамъ ихъ принять.

ВЛАДИМІРЪ.

Я могъ бы отказать
И самъ. Какой вы всѣ народъ негодный!
Мнѣ все впередъ докладывать, сказать.
Ты слышишь?

ПАВЛУШКА.

Слушаю. Еще въ то жь время
Прикащикъ былъ и приносилъ вамъ сѣмя
Какое-то, прислали въ образецъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Зайдетъ пусть послѣ. Рябчикъ пережаренъ.

Обѣдъ свой жирный кончивъ наконецъ,
Отправился всхрапнуть часокъ нашъ баринъ;
Проснувшись, сталъ пить чай, и взялъ
Доканчивать начатый имъ журналъ.
«Посмотримъ, какъ плясали капуцины
Подъ дудочку несчастнаго Карлино;
А дѣвушка?

«Презрѣнный извергъ сей
«Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей
«Богопротивной шайкой любовался,
«И послѣ роспялъ, какъ ужь наругался.
«(На небесахъ награда будетъ имъ:

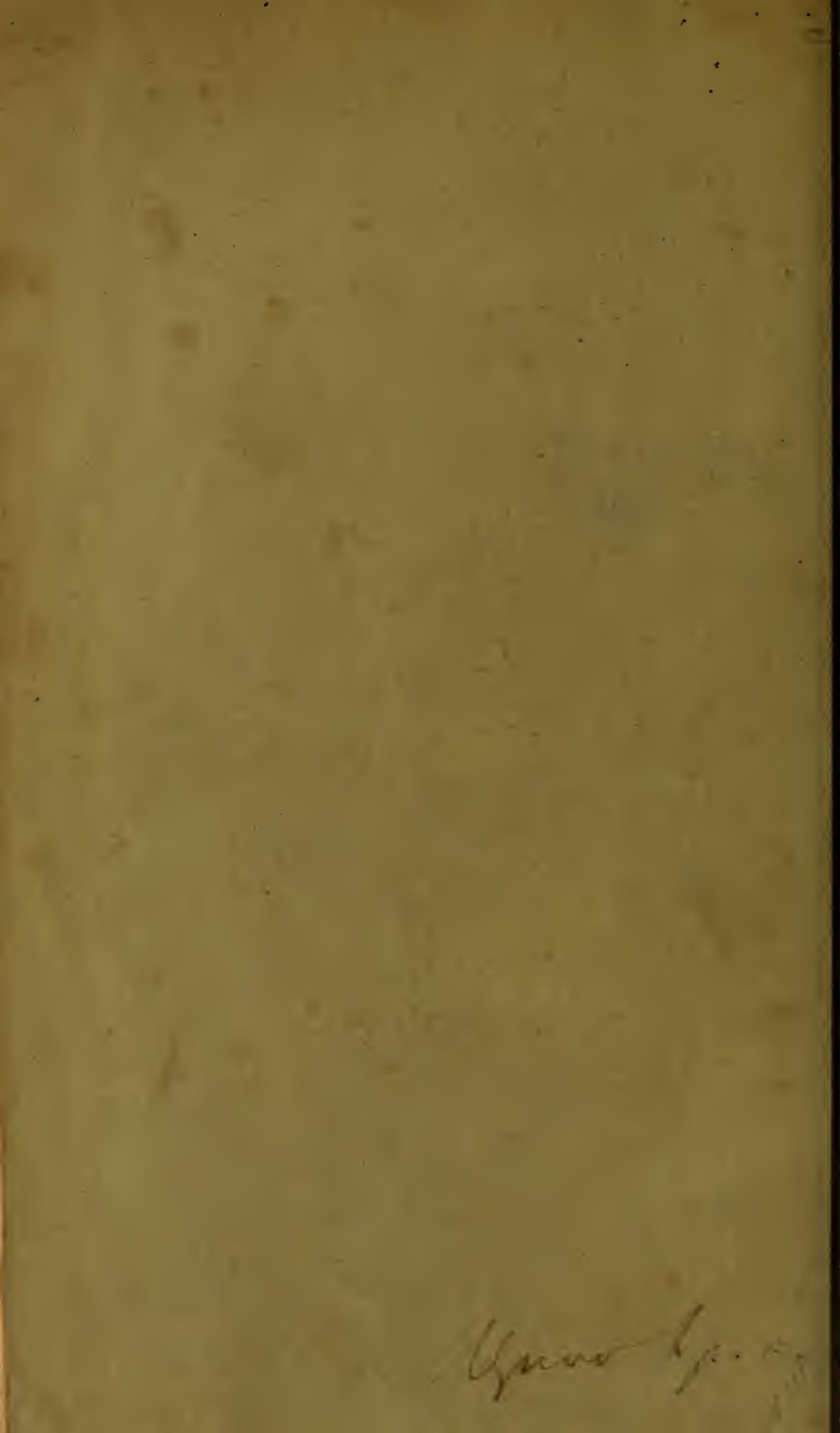
«Ихъ церковь сопричислила къ святымъ.
«А дѣвушка, обнявъ его колѣни,
«Молила умертвить ее скорѣй.
«Но не внималъ свирѣпый извергъ ей,
«Не тронули его мольбы и пени....
«И обнялъ онъ ее и цѣловалъ,
«И у себя три дня ее держалъ.

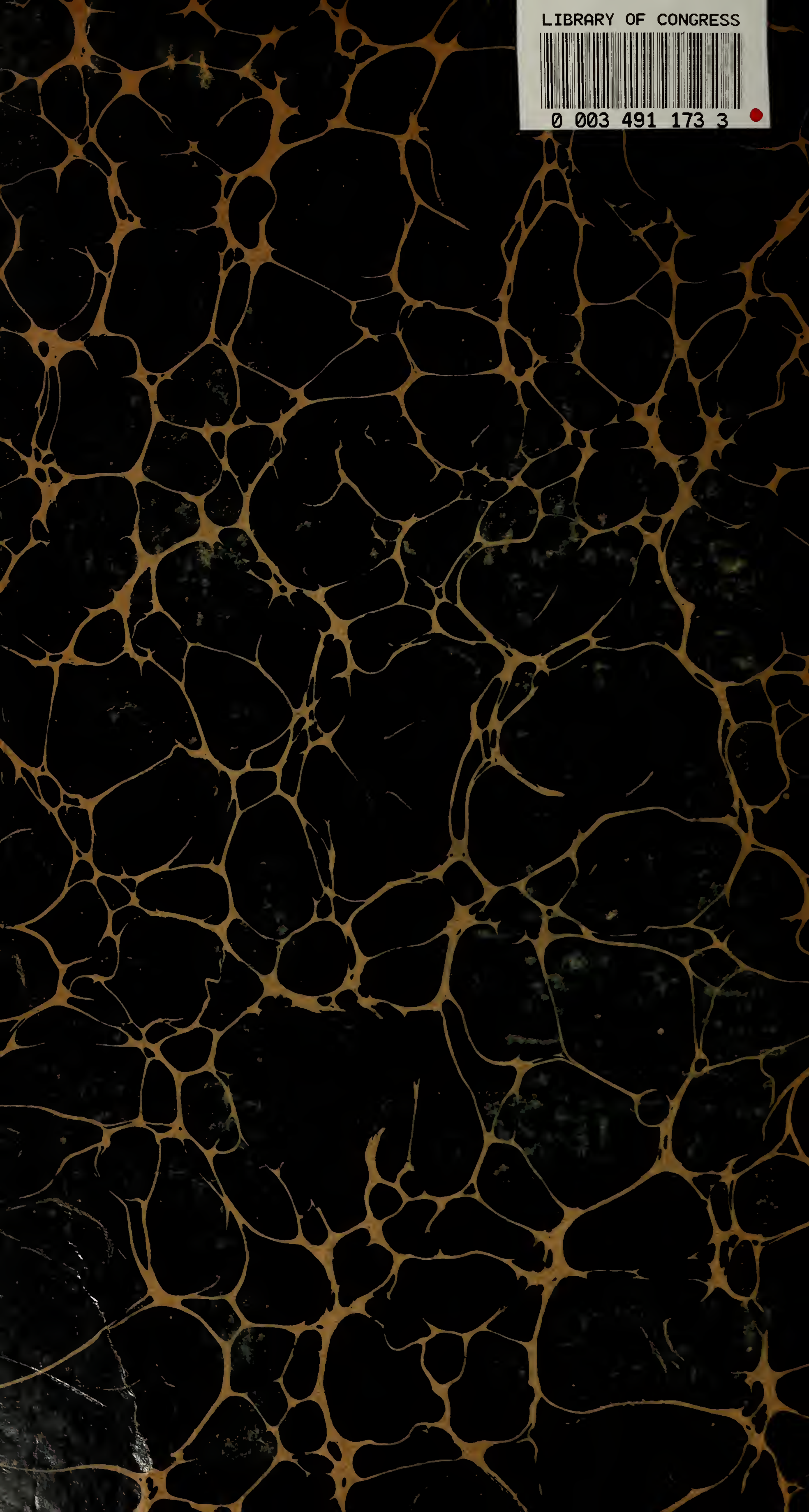
«Межь тѣмъ, такой же страстію пылая,
«Озлобленны товарищи его
«Предать вождя рѣшились своего.
«(Ихъ вразумила Дѣва Пресвятая,
«Заступница людей передъ Творцомъ).
«Къ Неттуно перешелъ своимъ онъ станомъ.
«Проснувшись утромъ, поглядѣлъ кругомъ,
«И видитъ онъ одинъ; предъ атаманомъ
«Изчезъ его разбойничій народъ;
«На мѣсто ихъ карабинеровъ взводъ.
«Онъ взятъ; сидитъ въ Сантъ-Анджело, и скоро,
«По составленьи формы приговора,
«Близъ храма Весты будетъ онъ казненъ.
«На исповѣдь итти не хочетъ онъ.»

— «Карлино! мы съ нимъ встрѣтились однажды.
Былъ въ жизни намъ одинъ урокъ, но каждый

По своему его растолковалъ.
Несчастный! Помню онъ всегда бывалъ
Такъ скроменъ, тихъ, въ мечтаньяхъ благороденъ...
Я помню... но я развѣ съ нимъ не сходенъ?
Обманутъ былъ онъ жизнью такъ какъ я;
Мы оба стали тѣже мизантропы —
Надъ нимъ гремятъ проклятія Европы,
А я слыву какъ честный человѣкъ....
Да чѣмъ же лучше я? О жизнь! о вѣкъ!

«Павлушка! эй! прикащику Ивану
Скажи, докладъ я принимать не стану.
За ужиномъ я гуся буду ѣсть,
Да сыръ. Въ ѣдѣ спасенье только есть!»

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 491 173 3

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 491 173 3